

РАЗДЕЛ VI ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 37.01+94 (571) + 94(47)

Н. Н. Родигина

«КОМУ ПРОСВЕЩАТЬ СИБИРЬ?»: ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Риторический вопрос, вынесенный в название статьи, был сформулирован публицистом Н. Арефьевым в конце XIX в. на страницах общественно-политического журнала «Северный вестник». Традиционно в работах по истории школьного дела, внешкольного образования в Сибирском регионе материалы периодической печати используются как один из вспомогательных исторических источников, не вызывая самостоятельного интереса исследователей. По моему убеждению, анализ публикаций популярных журналов второй половины XIX – начала XX вв. по «образовательной» проблематике позволит расширить существующие в исторической науке представления о востребованности идей просвещения в обновлявшейся Российской империи, о содержании образа Сибири в сознании русской интеллигенции, об отношении информированных современников к распространению образования в сибирской провинции.

В качестве источников для изучения темы мною были привлечены общественно-политические журналы (либеральная «Русская мысль»; народнические «Русское богатство» и «Северный вестник»; «Мир Божий» и «Новое слово», соотносимые исследователями с легальным марксизмом), а также специализированные издания: «Исторический вестник», «Юридический вестник», «Экономический журнал». Сознательно не были взяты журналы педагогической направленности, ведь мы старались выяснить степень значимости «образовательной» тематики для профессионально не заинтересованных современников.

Очевидны несколько содержательных контекстов, в связи с которыми в журнальной прессе России поднимались вопросы развития народного образования в нашем регионе.

Развитие образования в Сибири как средство преодоления культурной отсталости имперской окраины. Содержательный анализ публикаций, посвященных развитию образования в сибирских губерниях, свидетельствует о том, что в сознании авторов проанализированных мною толстых журналов существовала устойчивая связь представления о прогрессе в разных областях человеческой деятельности с просвещением населения, распространением грамотности и профессиональных знаний, ростом числа образовательных и культурных учреждений (библиотек, музеев и др.). Сибирь в силу своего окраинного, колониального положения, по убеждению заинтересованных современников, в особенности нуждалась в приобщении к дос-

тижениям русской культуры и рассматривалась как объект «внутренней колонизации», актуализировавший миссионерскую, просветительскую деятельность русской интеллигенции. «Страна громадна и всем обильна, не только естественными богатствами, но и втуне лежащими, не тронутыми нравственными сокровищами, ждущими света и свободы для того, чтобы край хищничества и бесправия превратился в истинно культурную часть нашего отечества», — замечал анонимный рецензент «Русской мысли». Он размышлял о необходимости изменения условий жизни сибирского населения, препятствовавших «его нравственному просветлению и росту» [16, с. 2].

О том, что просвещение населения воспринималось как эффективное средство решения социально-экономических и культурных проблем «обширной окраины нашего отечества», свидетельствует реплика известного статистика, одного из самых авторитетных исследователей региона А. А. Кауфмана: «Несомненно, что только свет просвещения может вывести Сибирь из такого печального состояния: только когда, с одной стороны, поднимется общий уровень интеллектуального развития сибирского общества, и когда оно поймет невозможность продолжать хозяйничать на прежних хищнических основаниях; когда, с другой стороны, в Сибири появятся технические знания и дадут сибиряку умение рационально использовать естественные богатства страны, — только тогда для Сибири окончится период беспорядочного расхищения производительных сил и запасов, и начнется период правильного и разумного экономического развития» [1, с. 66–67].

Сибирь активно включается в коммуникативное пространство читающей России с начала 1880-х гг., в связи с ростом переселенческого движения в регион, обсуждением и началом строительства железной дороги, притоком в край ссыльных народников, активно сотрудничавших со столичными периодическими изданиями и информировавших их читателей о реалиях местной жизни. «До последнего времени Сибирь сравнительно мало интересовала нашу читающую публику, смотревшую на нее, как на какую-то отдельную страну, на какое-то особое царство, не имеющее ничего общего с остальной Россией и живущее “где-то там” далеко, очень далеко своей особой жизнью, до которой решительно никому не было дела», — писал С. Уманец в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» [20, с. 614]. Между тем, по мнению названного автора, именно Сибирь — «эта далекая окраина, это сказочное “темное царство”» — активно проявляет духовные запросы и горячую готовность работать «на пользу культурно-нравственных задач высшего порядка» [20, с. 614]. Проявлением потребности сибирской интеллигенции в просветительской деятельности Уманец считал появление обществ попечения о народном образовании, действовавших в городах края.

По мнению пореформенных публицистов, устойчивый интерес местной интеллигенции к распространению знаний среди населения начинается именно с 1880-х гг. Сошлюсь на мнение анонимного корреспондента «Нового слова» из Сибири, соотносящего появление общественных организаций просветительского характера с ростом регионального и корпоративного самосознания сибирской интеллигенции: «Вот это-то сознание своих обязанностей перед народом в среде местного интеллигентного общества и начинает проявляться со значительной силою в начале 80-х годов, и с этого

времени начинают открываться в городах Енисейской губернии библиотеки, музеи, школы, народные чтения, лечебницы для бедных, общества вспомоществования учащимся и общества попечения о начальном образовании» [18, с. 156–157]. Замечу, что не только в Енисейской, но и в других сибирских губерниях с начала 1880-х гг. появляются общества попечения о начальном образовании.

Знаковым событием, приковавшим внимание общественного мнения к региону и способствовавшим активизации самоидентификационных исканий местной интеллигенции, было празднование 300-летия присоединения Сибири к русскому государству. Обозначая необходимость реформирования местного управления, изменения правового статуса населения сибирской провинции, в ходе банкетной компании, на публичных лекциях, страницах периодической печати среди прочих насущных для региона преобразований неоднократно упоминалось о необходимости открытия здесь университета, расширения сети средних и начальных образовательных учреждений. «Доселе Сибирь была завоевана мечом, но теперь настала пора завоевать ее гением просвещения. Прогресс уже прокладывает дорогу, желательно, чтоб за ним отправились вслед правосудие, самоуправление, просвещение и главное контроль, строжайший контроль, дабы не укрылись от него всякие злоупотребления и расхищения», – таковы были типичные ожидания либеральной и народнической прессы от «сибирского юбилея» [2, с. 48]. Показательно, что в декабре 1882 г. во время официальных торжеств в Иркутске, в целях увековечивания памяти о юбилее, на пожертвования горожан были учреждены стипендии в мужской и женской гимназиях, строившемся тогда Сибирском (Томском) университете и столичных высших учебных заведениях, а также устроена бесплатная начальная школа [19, с. 474]. Перечисленные мероприятия были отнесены Иркутской городской управой к числу наиболее насущных для Сибири, благодаря журнальной прессе они стали известными всей образованной России.

Общественное участие в распространении знаний среди населения Сибири как позитивная поведенческая стратегия провинциальной интеллигенции. Считая просвещение населения необходимым условием прогрессивного развития сибирской провинции, умеренно оппозиционно настроенная журнальная пресса всемерно поддерживала общественную активность в формировании регионального образовательного пространства. Большинство привлеченных мною изданий (за исключением «Юридического вестника» и «Экономического журнала») регулярно помещали отчеты о деятельности сибирских обществ попечения о начальном образовании, популяризируя в общественном мнении их деятельность. Например, рецензент «Северного вестника» видел в деятельности таких организаций доказательство того, что в «нашем обществе, вообще инертном и вялом, кроются живые силы». Пытаясь моделировать социальное поведение общественно активных современников, сотрудник народнического издания восклицал: «Вообще деятельность барнаульского общества для провинциальных работников на ниве просвещения может служить примером, заслуживающим подражания, а для столичных составителей проектов новых уставов обществ грамотности – указанием на бесцельность и даже вред вносимых в деятельность таких обществ различных ограничений и стеснений» [13, с. 67]. Ли-

тературный обозреватель «Русской мысли» в аннотации к отчету Общества попечения о начальном образовании г. Красноярска за 1898 г. выражал надежду на то, что таких обществ будет больше и в Сибири, и в Европейской части России, и что их деятельность не будет тормозиться ненужными стеснениями и формальностями [14, с. 335].

Сообщая о формах и результатах работы названных общественных организаций, журналисты фиксировали свою симпатию к таким «продуктам общественной самодеятельности», подчеркивали социальную востребованность их деятельности. «Много пришлось пережить молодому обществу невзгод внешних и внутренних, но оно выдержало их и постоянно развивалось, привлекая к себе общественные симпатии... Благодаря деятельности общества Томск занимает в настоящее время первое место среди русских городов по проценту учащихся в начальных школах и является единственным провинциальным городом, обладающим бесплатною народною библиотекой», – информировал о 6-летию со дня основания Томского общества попечения о начальном образовании сотрудник «Северного вестника» [10, с. 91]. К числу основных заслуг просветительских общественных организаций публицисты проанализированных мною изданий относили учреждение начальных и воскресных школ для детей и взрослых, устройство народных библиотек, читален и книжных складов, проведение публичных чтений и спектаклей, детских утренников.

Можно утверждать, что в общественном мнении пореформенной России на материалах о деятельности просветительских обществ формировался своеобразный социокультурный поведенческий образец интеллигента – борца с невежеством в глухой провинции, который интерпретировался как достойный уважения и воспроизведения в индивидуальных поведенческих стратегиях современников. «Если принять в соображение ... что удаленная на десятки тысяч верст от центров умственной жизни России полудикая Сибирь лишь в самое последнее время стала более или менее приближаться к культурному течению века, что она и доселе представляет собой еще особую страну какого-то темного царства, то невольно проникаешься безграничным уважением к тем почтенным труженикам во имя высокой идеи, которые, не теряя мужества, смиренно работают на пути народного образования в “медвежьих углах” наших беспросветных захолустий», – такую красноречивую оценку подвижничества сибирской интеллигенции встречаем на страницах «Исторического вестника» [20, с. 619].

Несовершенство системы образования в крае как аргумент в пользу распространения на Сибирь земской и других либеральных реформ. Либеральные и народнические журналисты часто обозначали зависимость развития образования в регионе от распространения на Сибирь земской реформы. «Чтобы смыть с Сибири настоящее “пятно невежества” и удовлетворить жажду знаний сибирских обывателей, хотя бы в незначительных размерах, необходимы серьезные и верные средства, радикальные реформы. Борьба с народным невежеством в Сибири настолько трудна, что в данном случае недостаточно сильным окажется даже и само Министерство народного просвещения. Оно постоянно и сильно будет нуждаться в серьезной помощи. Последняя может быть оказана только со стороны земства, при учреждении которого в Сибири просвещение, без сомнения, пойдет

ускоренным темпом. Через пять-десять лет Сибирь может покрыться целой сетью хороших земских школ», – убеждал читателей «Северного вестника» ранее уже упомянутый Н. Арефьев [4, с. 46]. Земская школа рассматривалась автором как более адекватная запросам сельского населения края альтернатива церковно-приходскому образованию. Среди недостатков церковно-приходской школы Арефьев называл географическую удаленность сельских населенных пунктов друг от друга, не позволяющую духовенству эффективно исполнять свои обязанности; слабую подготовку педагогических кадров; невысокое качество образования у выпускников школ. Именитый исследователь вопроса о введении земства в Сибири М. И. Альтшуллер отмечал, что необходимость проведения земской реформы для просвещения населения имперской окраины начала осознаваться заинтересованными сибиряками с 1860-х гг. «Петербургские ведомости» писали в 1866 г.: «В Сибири идет определенная агитация за земские учреждения, говорят, что они только разовьют гражданское правосознание населения, распространят народное просвещение и наконец усилят торговлю и промышленность» [2, с. 33]. В конце XIX – начале XX вв. позитивное влияние земской реформы на развитие системы народного образования в регионе рассматривалось как очевидный для общественного мнения факт, вызывающий сомнения только у консервативной прессы.

Привлеченные нами материалы журнальной прессы позволяют вычленил следующие сюжеты о развитии образования в Сибири, актуальные для умеренно оппозиционной журнальной прессы.

Развитие высшего образования в крае как залог его прогресса. Устройство университета в Сибири было одним из ключевых требований местной интеллектуальной элиты, начиная с эпохи подъема регионального самосознания в 1860-е гг., связанного с оформлением областнических идей. Не случайно на сам факт открытия Томского университета в 1888 г. реакция толстых журналов была достаточно сдержанной, как на радостное, но слишком долго ожидавшееся событие [5, с. 175; 12, с. 665]. Некоторое недоумение вызывало открытие одного только медицинского факультета, в связи с чем аргументировалась потребность региона в юристах и других специалистах [5, с. 175]. В определенном смысле типичной можно назвать реплику внутреннего обозревателя «Русской мысли»: «Не повторяя доводов, которые уже привели к действительному открытию университета в Сибири, ограничимся замечанием, что край с пятиmillionным населением должен иметь университет, что нельзя оставлять далее такого края без содействия образования в нем местной интеллигенции, оставлять его в таком положении, когда молодые люди, искавшие высшего образования, должны были уходить из Сибири и по большей части не возвращались» [6, с. 198]. Итак, роль Сибирского университета виделась, в первую очередь, в подготовке кадров региональной интеллигенции и квалифицированного, преданного интересам восточной окраины, не «навозного» чиновничества.

Современники рассматривали университет и как координирующий научный центр по организации изучения родного края. Не случайно вскоре после открытия первого высшего учебного заведения за Уралом была учреждена премия имени А. М. Сибирякова для поощрения авторов лучших исторических сочинений о крае [15, с. 412]. Журнальная пресса периоди-

чески информировала о публичных лекциях, читаемых преподавателями университета, о научных достижениях последних.

Не менее важной для пореформенных журналистов, с одной стороны, отражающих, а с другой — формирующих позицию критически мыслящей России, была просветительская роль университета. «Будем надеяться вместе с сибиряками, что Томский университет выполнит завидную роль, выпавшую на долю его, как первого высшего просветительного центра в обширнейшем крае, что питомцы его разнесут свет просвещения во все обездоленные и темные углы своей родины, и что скоро отойдут в область безвозвратного прошлого все те печальные и возмутительные факты, которыми так богата ныне сибирская жизнь», — выражал общественные ожидания ведущий «областного отдела» журнала «Северный вестник» [11, с. 129]. Попутно замечу, что текстуально схожие ожидания были озвучены ораторами-сибиряками, выступавшими при закладке первых корпусов и открытии Томского университета [9, с. 11–12]. Это свидетельствует о консолидированном понимании значения первого сибирского высшего учебного заведения в общественном мнении империи.

Симптоматично, что открытие университета повлекло за собой обсуждение на страницах журнальной прессы вопроса о необходимости развития системы высшего образования региона путем организации специализированных вузов. Привлеченные материалы позволяют предположить, что журналисты пореформенной поры ощущали социальную ответственность за обеспечение хорошо подготовленными кадрами богатой природными ресурсами окраины. Именно наличие квалифицированных специалистов, знающих местную специфику и преданных интересам «малой» родины, виделось залогом успешного решения социально-экономических и культурных проблем региона. «Учреждение технологического института в Томске вызывает вопрос о том, не является ли для Сибири более необходимым учреждение высшего сельскохозяйственного заведения? Всем известно, что в Сибири теперь ведутся обширные поземельно-устроительные работы. Для правильного и успешного хода этих работ необходимы молодые люди с соответствующим запасом сельскохозяйственных и технических знаний. Кроме того, в Сибирь теперь направляется масса крестьян, желающих вести сельское хозяйство при новых для них условиях. Тут просвещенный совет и руководство людей с высшим сельскохозяйственным образованием из местных уроженцев принесли бы громадную нравственную поддержку и предупредили бы немало тех неудачных опытов, после которых переселенцы, побираясь Христовым именем, возвращаются в [Европейскую] Россию» [8, с. 314].

Народное образование в Сибири как предмет изучения пореформенной журналистики. В качестве одной из действенных мер совершенствования народного образования в сибирских губерниях рассматривалось его изучение. В большинстве публикаций на «образовательную тематику» фиксируется необходимость организации статистического исследования состояния школьного дела в Сибири, а также слабое знакомство заинтересованной публики с развитием внешкольного образования в регионе. Симптоматично объяснение актуальности статьи о народном образовании в Сибири П. Соловым, сотрудничавшим с «Юридическим вестником»: «Смелость

свою в настоящем случае мы оправдываем почти совершенным незнанием русского образованного общества с этим вопросом, а также и тем обстоятельством, что при теперешнем положении вещей очень трудно рассчитывать на сколько-нибудь серьезное улучшение школьной статистики в Сибири» [17, с. 70].

Журналы не только помещали исследовательские статьи о состоянии народного образования в регионе, но и публиковали сведения о деятельности общественных организаций, занимавшихся изучением данного вопроса [22, с. 20–22]. При этом основными вопросами, привлекавшими внимание современников, были количество школ разных категорий в тех или иных районах Сибири, программы преподавания в школах, объемы их финансирования, качество профессиональной подготовки учителей. Последнее в подавляющем числе публикаций оценивалось не очень высоко. Например, по сведениям Общества любителей исследования Алтая (1899 г.), в школах Алтайского округа преподавателей с достаточной подготовкой, т. е. окончивших какой-либо курс среднего (общего или специального) заведения, было только 48 % [22, с. 21]. Еще более вопиющие сведения о низкой квалификации учителей Восточной Сибири в начале 1880-х гг. приводит ранее упомянутый П. Соловьев, иронично при этом замечая: «Какие могут быть успехи в школе, когда такой значительный процент учителей не только не обладает достаточным умственным развитием и знакомством с новейшими методами преподавания, но даже не может похвастаться твердым знанием русской грамоты?» [17, с. 251]. Для изменения ситуации предлагалось увеличить число учительских курсов и училищ, улучшить социальный статус и материальное положение учителей.

Сибирские учителя как объект защиты оппозиционной журнальной прессы. Наряду с вопросом об уровне профессиональной подготовки учителей обозреватели провинциальной прессы и сибирских корреспондентов журналов волновали конфликты между представителями местной администрации и церкви, с одной стороны, и учителями – с другой. «Каждый более или менее значительный самостоятельный шаг учителя или учительницы в их деятельности может послужить поводом к столкновению с чьими-либо интересами, симпатиями и мнениями», – писал по этому поводу внутренний обозреватель «Русского богатства» в 1897 г., информируя читателей о конфликте учительницы из г. Олекминска Якутской области с полицейскими чиновниками [21, с. 221]. Суть конфликта заключалась в словесных оскорблениях учительницы за то, что она без согласования с представителями местного полицейского управления заказала книги для школьной библиотеки. Как явствует из вышеприведенного текстового фрагмента, симпатии издания были всецело на стороне учительницы.

В 1891 г. «Русская мысль», вслед за газетой «Сибирская жизнь», выступила в защиту учительницы Греховой из г. Мариинска Томской губернии, обвиненной протоиереем Беневоленским в проявлении антирелигиозного образа мыслей. Основываясь на свидетельстве инспектора народных училищ Добровольского, обозреватель провинциальной печати разоблачает клеветнический донос Беневоленского, характеризуя учительницу как хорошего педагога, любимого детьми и уважаемого родителями. «Последнее время излюбленным средством для того, чтобы отравить своему ближнему

существование, стали доносы в антирелигиозном направлении. Хотят ли выжить с места какого-нибудь земского служащего, народного учителя или учительницу – сейчас донос по начальству: постов не соблюдает, уставов церкви не признает, в церковь редко ходит, и достаточно. В 99 случаях из 100 обвиняемый будет лишен огня и воды», – гневно обличал сомнительные достижения эпохи К. П. Победоносцева обозреватель «Русской мысли» [7, с. 243].

Стремлением показать власти и обществу несовершенство системы образования в империи и желанием улучшить условия повседневной жизни провинциального учительства объясняется внимание журнальной прессы к материальному положению сибирских учителей. При его описании использовались такие «говорящие» слова-маркеры, как «бедность», «форменный голод», «полное отсутствие каких-либо развлечений или удовольствий», «вечная дума о необеспеченной старости» [22, с. 22].

Имеющиеся в моем распоряжении материалы журнальной публицистики позволяют утверждать, что деятельность провинциальных учителей, добросовестно относившихся к своим обязанностям и преданным идеалам просвещения, оценивалась как подвижническая, достойная общественного уважения, сочувствия, всемерной поддержки.

Итак, содержательный анализ публикаций столичных общественно-политических и специализированных журналов второй половины XIX – начала XX вв. позволяет прийти к следующим выводам: 1) проблемы развития образования в Сибири стали актуальными для общественного мнения России с начала 1880-х гг., в связи с более прочным включением региона в коммуникативное пространство империи и изменением статуса региона в геополитических стратегиях самодержавия; 2) просвещение сибирской провинции для либеральных и народнических публицистов было синонимично культурному и экономическому прогрессу, рассматривалось как средство преодоления «отсталости» Сибири от европейского центра России и аргумент в пользу распространения на регион либеральных реформ; 3) развитие высшего образования в регионе, распространение светских начальных и средних школ, улучшение качества подготовки учительских кадров, широкое вовлечение общественности в распространение знаний среди населения, изучение эффективности функционирования различных типов образовательных учреждений – таков круг вопросов, обсуждавшихся как специальными, так и общественно-политическими изданиями; 4) участие образованных сибиряков в просветительских организациях, работа в качестве учителей, библиотекарей, музейных работников расценивалась как социально значимая и достойная воспроизведения интеллигентными современниками, популяризировалась в общественном мнении страны.

Литература

1. А. А. К. [Кауфман А. А.] Богатство и бедность Сибири / А. А. Кауфман // Мир Божий. – 1892. – № 7. – С. 40 – 67.
2. Альтшуллер, М. И. Земство в Сибири / М. И. Альтшуллер. – Томск: Изд. склада кн. магазина П.И. Макушина, 1916. – 411 с.
3. Арефьев, Н. В Сибири / Н. Арефьев // Северный вестник. – 1896. – № 1. – С. 37 – 47.

4. **Арефьев, Н.** Кому просвещать Сибирь? / Н. Арефьев // Северный вестник. – 1896. – № 2. – С. 37 – 47.
5. **Внутреннее обозрение** // Русская мысль. – 1888. – № 8. – С. 175 – 176.
6. **Внутреннее обозрение** // Русская мысль. – 1888. – № 10. – С. 198 – 199.
7. **Внутреннее обозрение** // Русская мысль. – 1901. – № 11. – С. 243 – 246.
8. **Внутреннее обозрение** // Северный вестник. – 1896. – № 7. – С. 314.
9. **Дмитриев-Мамонов, А. И.** Речь, произнесенная при закладке Сибирского университета / А. И. Дмитриев-Мамонов. – Томск: Том. губерн. типогр., Б. г. – 14 с.
10. **Из провинциальной печати** // Северный вестник. – 1888. – № 6. – С. 90 – 91.
11. **Из провинциальной печати** // Северный вестник. – 1888. – № 10. – С. 127 – 129.
12. **Открытие Томского университета** // Исторический вестник. – 1888. – № 9. – С. 665.
13. **Отчет** Общества попечения о начальном образовании г. Барнаула за 1895 г. // Северный вестник. – 1896. – № 12. – С. 67.
14. **Отчет** совета Общества попечения о начальном образовании в г. Красноярске за 1898 г. // Русская мысль. – 1900. – № 9. – С. 334 – 336.
15. **Премия** при Томском университете // Исторический вестник. – 1901. – № 4. – С. 412 – 413.
16. **Рецензия** на «Сибирские рассказы» Д. Н. Мамина-Сибиряка // Русская мысль. – 1895. – № 1, II отд. – С. 1 – 2.
17. **Соловьев, П.** Народное образование в Сибири / П. Соловьев // Юридический вестник. – 1889. – № 9. – С. 68 – 88.
18. **Сциллы и харибды** народного просвещения // Новое слово. – 1896. – № 12. – С. 156 – 159.
19. **Трехсотлетие** Сибири в самой Сибири // Исторический вестник. – 1883. – № 2. – С. 473 – 474.
20. **Уманец, С.** Общественные заботы о народном образовании в Сибири / С. Уманец // Исторический вестник. – 1899. – № 8. – С. 614 – 627.
21. **Хроника** внутренней жизни // Русское богатство. – 1897. – № 9. – С. 221 – 227.
22. **Школьное дело** на Алтае // Мир Божий. – 1899. – № 2. – С. 20 – 22.

УДК 37.0+94 (47)

Н. П. Сенченков

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕДОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ДЕТЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Начало XX в. предстало миру в новом качестве, получившем свой импульс для развития в событиях социально-экономического, политического и научного характера XIX в.: революции, войны, приведшие к полному разделу мира, открытия в области медицины, биологии, химии, физики. Данные явления, в большей степени имевшие техногенный характер, все же на первый план выдвигали человеческий фактор: в одном случае как «пушечное мясо», в другом – как важнейшее обстоятельство для более справедли-